УДК 141.201

ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ПОПЫТКА РЕЛЕВАНТНОГО ОПИСАНИЯ ДВОЙСТВЕННОСТИ МИРА

Ашимова Виктория Анатольевна,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления (филиал),
доцент кафедры философии и политологии,
кандидат философских наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: ashimova-v@yandex.ru

Аннотация
Статья посвящена кратким отсылкам к основным подходам философской герменевтики как методам по отысканию подлинного описания универсума. В постмодернистской ситуации классическая герменевтика становится вполне адекватным решением-описанием и задаёт правильные ориентиры алгоритмов смыслопопонимания.

Ключевые понятия:
двойственность, герменевтика, релевантность, понимание, описание.

Мир настолько усложнился, его мультикультурность и дискретность одновременно создают полное ощущение хаоса и нестабильности, что, в свою очередь, привело к утверждению пробабилистского стиля мышления и всепроникающего релятивизма. Чтобы хоть как-то ориентироваться в этой паралогичности, мы вынуждены острее, чем когда бы то ни было, прибегать к помощи интерпретативных теорий, ибо прогресс науки очевиден, но от этого не стало понятнее. Поскольку глобализация обязывает к толерантности, требует корректности к Другому, то найти правильную интерпретацию происходящего и близнаходящегося становится крайне необходимо, сколь и трудно. И здесь, на наш взгляд, следует обратиться к философской герменевтике, собственно задачей которой всегда было не просто отыскание адекватного понимания, но донесение смысла для воспринимающего.

Герменевтика возникла ещё в то время, когда формируется представление о неизречённости посланий божественной мудрости, которую не могут понять обычные люди без разъяснений толкователя, имя которому Гермес, который, как известно, был покровителем торговцев и воров. И, с одной стороны, без посредника никак не обойтись, а, с другой стороны, насколько можно доверять такому оракулу, такому сомнительному медиуму...

В Средние века герменевтика выступит как экзегетика и будет толковать непостижимую реальность уже христианской веры. Августин Блаженный, создавший по образцу риторики учебник библейской герменевтики, в письме Блаженному Иерониму писал о себе, что если он в Библии находит ошибки, то вина в том переводчиков, а если всё-таки они не виноваты, то тогда, это он сам вероятно чего-то недопонял, но если и тогда противоречие очевидно, налицо то правильное понимание библейских несуразностей откроется ему уже на том свете, ибо истина останется таковой, даже если погибнет мир, так как суждение «мир погиб» будет истинным [1, с. 341]. Таким образом, вера в абсолютную истину и возможность её однозначного толкования в IV веке ещё присутствует, но всё меняется по мере распространения протестантизма, когда герменевтика выступает как судья в споре католических богословов и протестантов за «истинную» интерпретацию священных текстов, ибо каждый настаивает на своей версии понимания божественных слов, на владение «священным» знанием. *И проблема уже однозначного, «правильного» толкования Библии становится открытой, а, точнее, неразрешимой*, отсюда такое множество сект.

И если у Ф. Шлейермахера с «герменевтическим кругом» и В. Дильтея с методом понимания: «На произведениях гениальных людей мы можем изучить энергетическое действие определённых форм умственной деятельности. В языке, в мифах, в религиозных обычаях, нравах, праве и внешней организации выявляются такие результаты работы общего духа, в которых человеческое сознание, выражаясь языком Гегеля, объективировалось и таким образом может быть подвергнуто расчленению. Что такое человек, можно узнать не путем размышлений над самим собой, и даже не посредством психологических экспериментов, а только лишь из истории» [5, с. 71] герменевтика всё-таки ещё выступает вспомогательной техникой. Для М. Хайдеггера, использующего феноменологический метод Э. Гуссерля: «Титул «феноменология» выражает максиму, которая таким образом может быть сформулирована: «к самим вещам!» – против всех свободнопарящих конструкций, случайных находок, против заимствования любых лишь мнимо доказанных концепций, против мнимых вопросов, которые часто на протяжении поколений выпячиваются как «проблемы»» [12, с. 28] по отношению к такой фундаментальной категории, как бытие, герменевтика уже становится философской и её цель отныне – задать новую возможность гуманитарного исследования, социального познания.

Поскольку вопрос о смысле бытия может быть задан только человеком, то неклассическая онтология выявляет его новые экзистенциальные параметры – те условия, благодаря которым возможно такое вопрошание, что *в человеке есть такового, что делает возможным вопрос о* смысле *его* бытия, в частности, и бытия вообще. Или переформулируем вопрос, что в человеческом бытии делает его таким, каково оно есть, каким мы его знаем, наблюдаем, «застаем». Так Хайдеггер расширяет влияние и подчеркивает онтологический статус «герменевтического круга» Ф. Шлейермахера: *имеющий историю человек внутренне историчен, что, в свою очередь, позволяет ему иметь историю.* Не в гегелевском смысле, когда часть (конкретный человек) может быть понята на основе целого (всеобщей истории), а целое (всеобщая история) понимается на основе части (конкретного человека), как, собственно, понимал свой «герменевтический круг» и Ф. Шлейермахер. А в кантовском смысле, когда человек имманентно историчен, по умолчанию, в нём априори заложена историчность как качество и в результате у него есть история, он помнит себя и пишет историю.

Человек вопрошает о смысле бытия, ибо сам в состоянии бытийствовать. В разное время мыслители пытались сформулировать, что есть фундаментальная черта человека, но так или иначе она сводилась к его разумности, способности к абстракции, рефлексии. Для М. Хайдеггера *такой фундаментальной чертой человека является его открытость к бытию и уникальная возможность, способность, задавать вопрос о его смысле, который, как известно, ситуативен, а отнюдь не вечен, как думали в классической онтологии.* Отсюда понимание – это не один из способов познания, а как единственный способ существования, как способ быть.

И отныне задача философской герменевтики по Хайдеггеру – истолковать язык бытия, слово которого всегда многозначно. И чем лучше, внятнее человек понимает, интерпретирует «зов» бытия, тем быстрее, отчетливее он обретает свою личную, единичную судьбу и историю: «Оно приводит присутствующее и отсутствующее каждый раз к его собственному, откуда последнее кажет себя в себе самом и своим способом пребывает» [13, с. 268], *и люди, только формально похожие друг на друга, в своей уникальности могут лишь иногда, крайне редко, встречать что-то отдалённо родственное их собственной природе звучания на пути проживания единичной судьбы.* Потому насколько уместны будут специально артикулируемые цели-ценности, стандарты, образцы и нормы, к которым должно стремиться, если мир такой паралогичный, дискретный и прекрасный, совершенный одновременно!

При ближайшем же рассмотрении оказывается, что даже понимание одного и того же для каждого будет разным, ибо один человек в одном и том же тексте видит одно, другой читает совсем иное, как говорят, «то, что русскому хорошо, немцу – смерть». Или почему все смотрят постмодернистское кино (не фестивальное, а масскультурное)?! И эстет, и пролетарий! Например, «Криминальное чтиво» А. Тарантино! Ответ прост: потому что эстету нравится, например, музыкальное сопровождение и операторская работа, так сказать, картинка, а пролетарию совсем другое интересно – это экшн, секс, наркотики и рок-н-ролл! И трудно сказать, что здесь выше или ниже, уместно, релевантно, или оправданно, ибо каждое любопытно по-своему.

Таким образом, *человеческое бытие изначально «герменевтично», ибо находится в ситуации понимания, осмысления, интерпретации.* И так состоялся поворот от трансцендентальной феноменологии Г. В. Ф. Гегеля, где сознание понимается как «чистое», к герменевтической феноменологии Э. Гус-

серля, который показал, что сознание всегда заполнено контекстом, «нетематизируемым горизонтом», с одной стороны. А с другой стороны, М. Хайдеггер на уровне «фундаментальной» онтологии доказал, что *об однозначном прочтении чего бы то ни было не может быть и речи, ибо смысл любого сущего и понимание собственного бытия всегда исторично и относительно, всегда связано с конкретной ситуацией, временем и пространством, в котором человек себя «застаёт».*

И далее, следует особо сказать ещё об одном интеллектуальном источнике герменевтической модели – это философия Х.-Г. Гадамера, который не верит, что можно что-то понять, когда познаваемое абсолютно неизвестно! Всегда человек уже прежде, предварительно, до-строит какие-то предположения относительно его объекта, что и нуждается в герменевтической рефлексии. Мыслитель особо обращает внимание на то, что интерпретация текста – это не просто техническое восстановление первичного смысла, а попытка через понимание текста прийти к открытию чего-то важного в самом себе и таким образом написать текст заново, пропуская его через себя, ибо, как известно, «философ компетентен там, где любой другой теряется в догадках» [2, с. 272]. Во-первых, когда через сокрытое, проводя определённого рода умственную, духовную работу, через усилие по освоению прочитанного, читатель рефлексирует, и таким образом сам процесс понимания текста связан с открытием самого себя. Во-вторых, он присваивает, воспринимает, сопоставляет с новым знанием свои представления, делает чужое своим, что тоже сказывается на воспринимающем. И речь при этом идёт не об общей истине, подтверждением которой являются известные аксиомы, а о лишь редких, единичных, кратковременных инсайтах: «...не все обязаны думать и говорить одно и то же, диалог обретает свою экзистенциальную напряжённость лишь при условии, что мы не забудем об «экзистирующем мыслителе», который, говоря, безмолствуя, спрашивая, несёт на себе движение мысли» [4, с. 12].

В известной работе «Истина и метод: основные черты философской герменевтики» Х.-Г. Гадамер методично доказывает, что «истина» и «метод» – трудно сопоставимые явления! Автор демонстрирует здесь невозможность препарировать «истину» каким бы то ни было «методом», потому что истина, как и бытие, может только «свершаться», а наука – это лишь один из возможных способов человеческого бытия, наряду с искусством, философией и историей, причём последние гораздо ближе к истине, ибо «как говорит сам язык, мы «строим» теории. Этим уже подразумевается, что одна теория отменяет другую и что каждая изначально претендует лишь на относительную значимость, именно: до тех пор, пока не будет найдено нечто лучшее» [3, с. 525]. *Не об этом же самом сегодня говорят постпозитивизм и постмодернизм?!* В то время как опыт погружения в искусство, философию или историю, действительно, становится экзистенциальным, судьбоносным откровением, которое может стать незабываемым и радикально поменять смысл любого сущего, то какое лично мне дело до того, что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы.

Любопытно, что предлагает другой философ – Поль Рикер, сосредоточившийся на гносеологической стороне герменевтики, отодвинутой Гадамером на второй план. Рикер выдвигает регрессивно-прогрессивный метод, с помощью которого осмысляются явления с точки зрения трёх временных измерений: прошлое, настоящее и будущее – через выяснение его до-, «археологии» предмета, его истории, через настоящее, текущее, к пониманию его будущего, к его телеологии, «профетии», к его перед-. Однако философ отдает себе отчёт в том, что *здесь будет сложно выдержать строгие требования научности, ибо* «нельзя сказать, что прошлое ирреально, но прошедшая реальность, строго говоря, неподтверждаема...Здесь и выявляется родство истории с вымыслом. Реконструкция прошлого – дело воображения... историк тоже выстраивает интриги, которые документы подтверждают или опровергают, но никогда в себе не содержат» [8, с. 69].

Любые проявления культуры рассматриваются Рикером как символический текст, который является источником избыточности смысла, и, находя выражение в языке, в то же время смысл не полностью тождественен этому выражению. «Подозрительность» Рикера вызвана недоверием к поверхности вещей, к явной реальности, ибо несводимый к языку остаточный смысл и есть самое важное, действенное в символе.

Выделяются три вида символов: 1) «космические» символы, составляющие предмет феноменологии религии; 2) символы сновидения, расшифровкой которых занят психоанализ, и 3) поэтические символы, изучаемые литературной критикой, структурализмом, а герменевтика выступает как «арбитр в споре интерпретаций»: «Задача герменевтики заключается в том, чтобы сопоставить друг с другом различные употребления двойного смысла и различные функции интерпретации» [9, с. 333]. Задача философской герменевтики же – *чётко прочертить демаркационную ли-*

нию сферы применимости возможных методов понимания. В результате понимания многозначных высказываний мы одновременно начинаем лучше понимать самих себя, *а это уже рефлексия, которая, в свою очередь, начинает по-новому выстраивать свою экзистенцию и соответственно производить перемены в собственной жизни*. Поэтому и нет одной единственно верной версии, которую можно было бы сделать бесспорным эталоном теории интерпретации.

Зачастую бывает и так, что философ не принадлежит к данному направлению (в экзистенциализме, кроме Ж.-П. Сартра, все остальные отказывались называть себя экзистенциалистами!), но проблема интерпретации представлена в системе тем или иным способом. Так, например, Ю. Хабермас герменевтике уделял значительное внимание, ибо невозможно реконструировать всеобщие предпосылки языковой коммуникации, а именно, это пытается сделать философ в своей «универсальной прагматике», и обойти стороной теорию интерпретации. В категорическом императиве Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли во всякое время могла бы иметь также и силу принципа всеобщего законодательства» [6, с. 349] увидел Хабермас прообраз своей идеи о коммуникативном разуме («чистый» и «практический» разум был у И. Канта, «исторический» – у В. Дильтея, «цинический» – у П. Слотердайка), ибо через коммуникацию мы можем прийти к консенсусу, где каждый голос имеет право «вето», и достаточно одного несогласного, чтобы запретить действия всех! И далее, подлинный консенсус в будущем может обеспечить создание рациональных и понятных, прозрачных форм общественной жизнедеятельности: «...единство практического разума можно сделать значимым только во внутренней связи тех самых форм коммуникаций, в которых условия разумного коллективного формирования воли принимают форму объективного образования» [11, с. 30]. Теперь понятно, почему Ю. Хабермас отдаёт предпочтение не репрезентативной функции языка, что было характерно для модели картезианского, долингвистического мышления, а его коммуникативной функции.

И если К. Маркс историю понимает как процесс рационализации производительных сил, то Ю. Хабермас её описывает как процесс рационализации действия, ориентированного на взаимопонимание. И в этом случае герменевтика выступает как инструмент критики «ложного согласия», извращённых, искажённых форм коммуникации и помогает вскрыть, что приводит к регулярным сбоям в коммуникации, её постоянным нарушениям.

Если герменевтика занята экспликацией смысла, который несёт в себе дотеоретическое знание, то «универсальная прагматика» нацелена на воссоздание родовой компетенции. Для того чтобы построить грамматически правильное предложение, достаточно всего лишь знать языковые правила, а для взаимопонимания ещё необходимо, чтобы это предложение было не только понятным, но и соответствовало контексту ситуации коммуникации, а именно было истинным, правдивым и правильным: «Моделью коммуникативного действия для Хабермаса служит речевое взаимодействие, где существуют акторы – субъекты речевого взаимодействия, которые стремятся достичь согласия, процесс речевого взаимодействия и взаимное признание притязания на истинность, на правильность и правдивость высказывания» [7, с. 127]. Соответственно, возникает крайний релятивизм, ограничивающий все притязания на владение абсолютной истиной лишь полем понимания контекста ситуации, где разворачивается тема.

Или, к примеру, работа М. Фуко «Герменевтика субъекта», которая впрямую не принадлежит герменевтической традиции, но весьма любопытна с точки зрения экспликации смысла символа и истины: «В каких символах мысли объединились в западной античности субъект и истина?» [10, с. 284]. И уже можно было бы предвосхитить, что сейчас пойдёт речь о всепроникающем и едином логосе, ибо именно он кажется, в первую очередь, символом смысла классической античности. Но оказывается, что таким благом является забота о себе, в то время как «познание самого себя» есть лишь частный случай этой самой заботы, не говоря уже об общественном благе и активной гражданской позиции! Таким образом, ни о каком неделимом и всеобщем эйдосе речи не идёт, а автор настаивает только на своде частных, духовных практик постижения собственной, единичной истины, ибо «истина – это то, что озаряет субъект. ... в самой истине, в её познании заключается нечто, что позволяет осуществиться самому субъекту, что реализует само его бытие» [10, с. 287].

Можно отметить и другие влияния, так или иначе касающихся герменевтической проблематики, но такое пристальное рассмотрение только уведёт нас в сторону. Суть дела в данном случае была лишь в демонстрации того факта, что задача философской герменевтики сегодня – определить, насколько уместна, употребима, адекватна та или иная версия интерпретации, ибо это прописывается уже не сухим сводом законов смыслообразований, а чувствованием разности контекста,

а может даже экзистенции, способов порождения, открывания, истины. Таким образом, философскую герменевтику вполне можно считать удачной попыткой релевантного описания двойственности мира.

1. Августин, А. Монологи [Текст] / А. Августин. СПб., 1998. С. 313–372.
2. Гадамер, Х.-Г. Актуальность прекрасного [Текст] / Х.-Г. Гадамер. М., 1991. С. 266–323.
3. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики [Текст] / Х.-Г. Гадамер. М., 1988. 704 с.
4. Гадамер, Х.-Г. Философия и герменевтика [Текст] / Х.-Г. Гадамер. М., 1991. С. 9–15.
5. Дильтей, В. Описательная психология [Текст] / В. Дильтей. СПб., 1996. 160 с.
6. Кант, И. Критика практического разума [Текст] / И. Кант. М., 1997. С. 277–749.
7. Огурцов, А.П. Этос науки и риторика (От нормативного разума к коммуникативной рациональности) [Текст] / А.П. Огурцов // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. VII. Выпуск 3 (27). С. 107–135.
8. Рикер, Поль. Герменевтика. Этика. Политика [Текст] / П. Рикер. М., 1995. 159 с.
9. Рикер, Поль. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике [Текст] / П. Рикер. М., 2002. 624 с.
10. Фуко, М. Герменевтика субъекта [Текст] / М. Фуко // СОЦИО-ЛОГОС. Выпуск 1. М., 1991. С. 284–311.
11. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью [Текст] / Ю. Хабермас. М., 1995. 252 с.
12. Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер. М., 1997. 451 с.
13. Хайдеггер, М. Путь к языку [Текст] / М. Хайдеггер. М., 1993. С. 259–273.

References

1. Avgustin Avrelij *Monologi [Monologues]. St.Petersburg*, 1998, pp. 313–372 (in Russian).
2. Gadamer H.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo [Actuality of beautiful]*. Moscow, 1991, pp. 266–323 (in Russian).
3. Gadamer H.-G. I*stina i metod. Osnovy filosofskoj germenevtiki* [Truth and method. Bases of philosophic hermeneutic]. Moscow, 1988, 704 p. (in Russian).
4. Gadamer H.-G. *Filosofija i germenevtika [Philosophy and hermeneutic]. Moscow,* 1991, pp. 9–15 (in Russian).
5. Dil'tej V. *Opisatel'naja psihologija [Descriptive psychology]. St.Petersburg*, 1996, 160 p. (in Russian).
6. Kant I. K*ritika prakticheskogo razuma* [Practical intellect criticism]. Moscow, 1997, pp. 277–749. (in Russian).
7. Ogurcov A. P. *Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo,* 2005, T. VII, vypusk 3 (27), pp. 107–135 (in Russian).
8. Riker Pol'. *Germenevtika. Jetika. Politika [Hermeneutic. Ethics. Politics]. Moscow,* 1995, 159 p. (in Russian).
9. Riker Pol'. *Konflikt interpretacij. Ocherki o germenevtike [Conflict of interpretations. Essays about hermeneutic]. Moscow,* 2002, 624 p. (in Russian).
10. Fuko M. SOCIO-LOGOS, vypusk 1, *Moscow*, 1991, pp. 284–311 (in Russian).
11. Habermas Ju. *Demokratija. Razum. Nravstvennost': Moskovskie lekcii i interv'ju* [Democracy. Intellect. Morality: Moscow lectures and interviews]. Moscow, 1995, 252 p. (in Russian).
12. Hajdegger M. *Bytie i vremja [Existence and time]. Moscow,* 1997, 451 p. (in Russian).
13. Hajdegger M. *Put' k jazyku [Way to language]. Moscow,* 1993, pp. 259–273 (in Russian).

UDC 141.201

HERMENEUTIC AS AN ATTEMPT OF RELEVANT DESCRIPTION OF THE WORLD'S DUALITY

Ashimova Viktoriya Anatolyevna,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Ural Institute of Administration (Branch),
Associate Professor of the Chair
of Philosophy and Political Science,
Candidate of Philosophy,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: ashimova-v@yandex.ru

Annotation
The article is devoted to the brief references to the major approaches to philosophic hermeneutic as the methods describing universe. Classic hermeneutic becomes an adequate solving-description and set the right guiding line in algorithms of understanding sense in postmodern context.

Key concepts:
duality,
hermeneutic,
relevance,
understanding,
description.